

„Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ“.

Генералъ Церпицкій.

(Константинъ Викентіевичъ).

олковникъ Церпицкій,—Генералъ Витмеръ“—познакомилъ насъ лѣтъ 25 тому назадъ, въ Симферополь, начальникъ штаба 13-й пѣхотной дивизіи.

Передо-мною стоялъ плотный человѣкъ, не высокаго роста, блондинъ съ краснымъ лицомъ здоровяка и георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Церпицкій командовалъ тогда полкомъ, расположеннымъ въ Симферополь.

Офицерскій георгіевскій крестъ всегда привлекаетъ вниманіе и побуждаетъ смотрѣть на человѣка немножко какъ на героя.

Мы разговорились. Оказалось, что георгіевскій крестъ полученъ Церпицкимъ въ Туркестанѣ, что онъ, Церпицкій—сподвижникъ Скобелева и Куропаткина; но первая бесѣда была непродолжительной.

И, тѣмъ не менѣе, я успѣлъ замѣтить, что герой-полковникъ очень и очень былъ не прочь „для красоты слога“ пожертвовать не только истиной, но даже правдоподобіемъ своихъ разсказовъ.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ, эти качества Церпицкаго проступали все съ большей и большей рельефностью. Но, пока онъ былъ въ Симферополь, личное знакомство наше ограничилось немногими бесѣдами. Слышалъ только о немъ, какъ о лихомъ командирѣ, котораго очень любили солдаты именно за его лихость, за то что онъ никогда не подѣзжалъ, а подскакивалъ къ фронту и, пѣхотинецъ, носился предъ фронтомъ на хорошемъ конѣ, какъ подобало бы настоящему кавалеристу.

Много о немъ говорили также, какъ о великомъ фокусникѣ, умѣвшемъ привлечь къ себѣ не только солдатъ, но и начальство и даже начальство не непосредственное, а то, которое обѣщало быть таковымъ въ будущемъ.

Такъ, рассказывали, что, узнавъ о проѣздѣ изъ Ялты Куропаткина, тогда еще только генераль-маіора съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ—онъ вывелъ свой полкъ за пять верстъ отъ Симферополя и встрѣтилъ своего туркестанскаго знакомца съ такими почестями, которыя были бы и фельдмаршалу въ пору. Если въ этомъ рассказѣ и была доля преувеличенія, то во всякомъ случаѣ онъ характеренъ для обрисовки личности Церпицкаго съ указанной стороны. Ни про кого другого ничего подобнаго не говорили.

Ближе познакомился я съ Церпицкимъ, когда онъ возвратился въ Крымъ изъ китайскаго похода начальникомъ 13-й пѣхотной дивизіи и поселился въ Севастополѣ.

Человѣкъ онъ былъ очень любопытный.

По внѣшности онъ переобразился почти въ толстяка, но толстяка подвижнаго, не анемичнаго, а, напротивъ, налитого кровью, которая, казалось, такъ вотъ и брызнетъ изъ его красныхъ щекъ. Онъ былъ далеко не глупъ, даже, пожалуй, уменъ. Много и интересно рассказывалъ и изобрѣталъ при этомъ безъ удержу.

Слушаешь бывало и думаешь про себя: очень интересно, но что въ рассказѣ истина, что изобрѣтеніе? Да не отнести ли и всего къ области пылкой фантазіи рассказчика?

Онъ много говорилъ о Скобелевѣ. Увѣрялъ, между прочимъ, что часто слышалъ отъ Скобелева мое имя и самые лестные для меня отзывы, которые тутъ же приводилъ. Повторять ихъ не стану, въ убѣжденіи, что рассказчикъ говорилъ это только для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Но когда я упомянулъ о безграничномъ честолюбіи Скобелева и о томъ, что его честолюбивые замыслы не исключали короны,—скобелевской династіи—Церпицкій убѣжденно соглашался со мною, увѣряя, что онъ пришелъ къ тому же убѣжденію на основаніи близкаго знакомства съ героемъ, такъ рано сошедшимъ въ могилу.

Константинъ Викентьевичъ былъ большой хлѣбосоль. Любилъ хорошо поѣсть, хорошо выпить и хорошо угостить. Просторная квартира его была украшена оружіемъ, китайскими вещицами, коврами и наглядными выраженіями его боевой дѣятельности. Помню, между прочимъ, какую-то, растаявшую по стѣнѣ китайскую матерію, на которой была изображена по-китайски и по-русски благодарность отъ жителей за то, кажется, что генераль защитилъ жителей отъ хунхузозъ. Добровольное ли это было приношеніе, или даже этотъ

трофей не явился ли результатомъ простаго заказа храбраго генерала, склоннаго къ рекламѣ—Богъ вѣсть. Но послѣдній вопросъ приходилъ въ голову не мнѣ одному.

Церпицкій былъ большой циникъ, но о вещахъ самыхъ рискованныхъ онъ говорилъ какъ-то такъ, съ такой наивностью и такъ весело, забавно, что не вызывалъ отвращенія, а заставлялъ смѣяться, рекомендуя, напримѣръ, какъ своего „большого друга“ еврея, поставлявшаго ему товаръ всякаго рода для развлеченія стараго, неисправимаго холостяка. И этого „большого друга“ онъ сажалъ рядомъ съ собою и пилъ съ нимъ вино.

Своимъ грубымъ цинизмомъ, не лишеннымъ своеобразнаго остроумія, онъ не затруднялся щегольнуть и передъ солдатами и привлекалъ этимъ невзыскательныя натуры простолюдиновъ. Вообще онъ зналъ солдата, его душу, его міровоззрѣніе, умѣлъ говорить съ нимъ, и солдаты его любили.

— Нашъ генераль бѣдовый, говорилъ мнѣ ушедшій въ запасъ фельдфебель, и лицо его такъ и сіяло при этомъ. Какъ онъ къ фронту подскакиваетъ! Не то что иной. Шагомъ никогда его не увидишь. Все вскачь да вскачь.

Мнѣ рассказывали, что и на войнѣ онъ умѣлъ поднять духъ солдата, умѣстно сказанной циничной выходкой, и говорили это совсѣмъ не его сторонники. Говорили, напримѣръ, что разъ въ бояхъ подъ Мукденомъ, въ трудную минуту, онъ выскочилъ впередъ между резервами и цѣпью и подъ градомъ пуль поскакалъ вдоль цѣпи, крича, что выписалъ изъ Россіи „триста дѣвицъ не затруднительнаго поведенія—все для васъ, ребята“.

Шутка, какъ и смѣлость начальника, ободрила цѣпь, она беззавѣтно ринулась впередъ, и японцы были отброшены.

Это напоминаетъ мнѣ рассказъ изъ знаменитой осады Самарканда, героемъ которой былъ бывшій нижегородскій драгунъ, маіоръ, или подполковникъ, Назаровъ.

Гарнизонъ день и ночь бился цѣлую недѣлю, осажденный огромнымъ скопищемъ среднеазіатовъ. Видя утомленіе нравственное и физическое, Назаровъ приказалъ вытопить баню и говорилъ войскамъ:

„Въ баню, въ баню, ребята, идите. Да мойтесь хорошенько, потому халатники насъ безпремѣнно завтра возьмутъ, такъ чтобы все у васъ чисто было“.

Люди гоготали: видно, дѣло наше еще ничего, коли начальство такъ шутитъ.

Не помню хорошо—отъ кого я слышалъ этотъ рассказъ. Едва-ли не отъ Василя Васильевича Верещагина, знаменитаго художника,

погибшаго вмѣстѣ съ Макаровымъ и выказавшаго подъ Самаркандомъ исключительную храбрость и энергію.

Припоминаю также рассказъ про Геймана, имя котораго тогда, въ 1877 году, сіяло звѣздой даже среди кавказскихъ храбрецовъ.

Номерной моей гостиницы во Владикавказѣ оказался отставнымъ солдатомъ роты Геймана. Я люблю вообще разговаривать съ простолюдинами, слушать ихъ безъискусственную рѣчь. Узнавъ о томъ, что вижу предъ собою одного изъ свидѣтелей ранней молодости Геймана, естественно сталъ его спрашивать.

— Ахъ какой былъ ротный! Такихъ и не было, да и не будетъ. Бывало, говорилъ между прочимъ старый служака, — въ экспедиціи такъ уморишься по горамъ, силы въ тебѣ вовсе нѣтъ. Какъ увидитъ, этта, капитанъ, что рота растянулась чуть не на версту, сейчасъ, это, съ коня сойдетъ и давай разговаривать съ солдатами. Какъ, этта, увидятъ ребята, такъ, этта, и учнутъ подтягиваться къ ротному, штобъ послушать его.

„Что жъ онъ говорилъ такое?

— Разное говорилъ.

„Ну, напримѣръ?

— Вотъ, говорилъ, ребята плохо намъ теперь, тяжело, и сухари надоѣли, и вши насъ одолѣли; а домой придемъ, тамъ отдохнемъ, поѣдимъ до отвалу, да въ баню пойдёмъ, вшей, этта, вычешемъ, да къ дѣвицамъ пойдёмъ (выраженіе, конечно, было болѣе крѣпкое). Ну, рота, захохочетъ, и на душѣ веселѣй станетъ, и про усталость забудешь.

Возвращаясь къ Церпицкому и къ его умѣнью говорить съ солдатами, привлекать къ себѣ ихъ сердца, припоминаю, какъ я разъ поѣхалъ съ нимъ осматривать его верховую конюшню (у него было пять верховыхъ коней, и кони были недурные, а два-три даже прекрасные). Мы встрѣчали солдатъ одиночками и въ группахъ. Онъ, какъ-то особенно молодецки, во весь голосъ кричалъ — „здорово, молодцы“, своеобразно налегая на послѣдній слогъ и протягивая его. И весело было смотрѣть на радостныя, оживленныя лица солдатъ, всею грудью отвѣчавшихъ — „здравія желаемъ“.

Онъ безспорно обладалъ недюжинной храбростью.

Въ китайскую войну онъ вывелъ цѣлую исторію противъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, незаслуженно дурно аттестуя ихъ и, тѣмъ не менѣе, капитанъ Генеральнаго Штаба Ознобишинъ, человекъ очень способный, не оправдывая Церпицкаго, выражалъ, однако, мнѣ лично благодарность судьбѣ, доставившей ему счастье быть въ бою подъ его начальствомъ. При взятіи Бейтана, напримѣръ, когда подъ атакующими стали рваться фугасы, производящіе

вообще страшное моральное впечатлѣніе, и когда люди замаялись, Церпицкій соскочилъ съ коня и бросился въ атаку впереди всѣхъ, не обращая на взрывы фугасовъ ни малѣйшаго вниманія.

Подъ Мукденомъ онъ велъ себя также геройски, какъ человѣкъ неустрашимый и, когда во главѣ Бузулукскаго полка отбилъ атаку (сколько помню 21 февраля) — солдаты цѣловали его ноги.

И тѣмъ не менѣе, этотъ герой, храбрецъ и человѣкъ совсѣмъ неглухой, человѣкъ военной складки и хорошихъ военныхъ дарованій былъ безспорно вреденъ въ той роли, которую ему пришлось играть. Вреденъ, скажу прямо, благодаря своему фокусничеству, недобросовѣстному отношенію къ серьезному дѣлу, дѣлу первостепенной важности, дѣлу святому, какимъ несомнѣнно надо считать дѣло военное. Святому потому, что вопросъ вѣдь идетъ о страданіяхъ, жизни, или смерти сотенъ и тысячъ людей.

Мнѣ передавали люди, заслуживающіе полного довѣрія, что когда писалась реляція о мукденскихъ бояхъ и начальникъ его корпуснаго штаба, генераль Марковъ, человѣкъ очень серьезный и почтенный, читалъ ее своему начальнику, тотъ требовалъ увеличить вдвое потери, понесенныя частями.

„Какіе тамъ 360, пишите 800. А въ томъ полку—зачѣмъ 480? Пишите 1.200“.

— Да нельзя же; это точныя цифры, доставленныя полковыми командирами.

„Врутъ, врутъ они. Я лучше знаю. Да соуса, соуса у васъ нѣтъ совсѣмъ. Смотрите-ка, какъ другіе мерзавцы про себя пишутъ. Онъ и подъ огнемъ-то не былъ, а говоритъ, что сталь во главѣ и повелъ свой корпусъ къ побѣдѣ. Соусу, соусу побольше“!

Во время самыхъ боевъ, хотя велъ себя очень мужественно, онъ посылалъ донесенія одно за другимъ, что противъ него тройныя силы, и что онъ отбилъ въ теченіе дня 33 атаки, а между тѣмъ его атаковала, или, вѣрнѣе, демонстрировала противъ него въ это время, какъ удостовѣряетъ австрійскій агентъ при японской арміи капитанъ Фрицъ, всего одна 5-я дивизія, тогда какъ у Церпицкаго было противъ нея полтора корпуса.

Когда на другой день пріѣхалъ къ Церпицкому изъ штаба 2-ой арміи Генеральнаго Штаба капитанъ Кисляковъ, тотъ обратился съ вопросомъ:

— Что говорятъ обо мнѣ въ Главной квартирѣ?

— Хвалятъ, былъ отвѣтъ, что вы удержались на позиціи.

— Да неужели въ этомъ могли сомнѣваться?

— Еще бы. Основываясь на вашихъ донесеніяхъ, очень за васъ безпокоились.

— Мало ли что я доносилъ. Плохо же знаютъ Церпицкаго. Церпицкій никогда бы не отступилъ, никогда бы не отдалъ позиціи.

Такъ говорилъ Церпицкій по свидѣтельству самого капитана Кислякова, не понимая, повидимому, какъ этой бравадой онъ выдаетъ съ головой самого себя.

Дѣйствительно, съ позицій, занимаемыхъ Церпицкимъ, было удобнѣе всего атаковать обходящаго непріятели: прорывъ японцевъ въ этомъ пунктѣ ставилъ армію Ноги въ крайне опасное положеніе—„кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ“; но нерѣшительный, вѣчно опасавшійся за свой тылъ Куропаткинъ отмѣнилъ эту атаку и рѣшилъ произвести наступленіе противъ головы обходящихъ колоннъ Ноги войсками Гернгросса, поручивъ Церпицкому держаться, и держаться крѣпко, потому что отъ его позицій лежалъ ближайшій путь къ Мукдену, гдѣ сосредоточивались всѣ наши склады и тыловыя учрежденія. Естественно, что если бы сюда были притянуты главныя силы для прорыва растянувшихся японцевъ—опасеніе за Мукденъ отпадало, но, какъ бы то ни было, на Церпицкаго была возложена обязанность только держаться на его позиціяхъ, которымъ опасливый главнокомандующій придавалъ огромное значеніе, страшась за Мукденъ. И настойчивыя донесенія Церпицкаго—что передъ нимъ тройныя силы—и требованія подкрѣпленій въ то время, какъ самъ онъ не сомнѣвался въ возможности удержать позиціи, мало того, что тревожно дѣйствовали на воображеніе главнокомандующаго — заставляли посылать къ нему подкрѣпленія и ослабляли насъ въ пунктѣ удара.

По этому же поводу припоминаю рассказъ генерала А., георгиевскаго кавалера, командовавшаго на войнѣ дивизіей и нынѣ корпуснаго командира.

— Въ іюнѣ мѣсяцѣ, на Сипенгайскихъ позиціяхъ, я завтракалъ какъ-то у генерала Куропаткина и слышалъ слѣдующій рассказъ о Церпицкомъ.

„22-го, помнится, числа февраля онъ собственноручно пишетъ донесеніе Куропаткину и Каульбарсу о томъ, что онъ отбилъ 8 атакъ, и что въ резервѣ не остается ни одного баталіона. Приносятъ донесеніе своему Начальнику Штаба для подписи.

Начальникъ Штаба говоритъ, что онъ этого донесенія подписать не можетъ.

— Почему?

— Потому что мы отбили одну только атаку, и резервъ стоитъ у насъ совершенно нетронутымъ.

— Какъ хотите, отвѣтилъ Церпицкій, подписалъ и немедленно отправилъ по назначенію.

„Вообще, говорилъ генераль А., отдававшій полную справедливость личной храбрости и военной жилкѣ Церпицкаго, у Церпицкаго подъ Мукденомъ было сосредоточено 48 баталіоновъ на пространствахъ 2-хъ верстъ по фронту и 2-хъ верстъ въ глубину, и тѣмъ не менѣе онъ постоянно просилъ подкрѣпленій“.

Повторяю еще разъ, что генераль А. относился къ Церпицкому совсѣмъ не пристрастно и отдавалъ справедливость его храбрости и военной жилкѣ.

Поведеніе Церпицкаго подъ Мукденомъ, когда рѣшалась участь кампаніи, когда дѣло шло о нашей чести и славѣ, невольно заставляетъ вспомнить другого храбреца, но храбреца совсѣмъ иного закала, который, чтобы не тревожить главнокомандующаго въ пунктѣ, гдѣ рѣшалась участь турецкой войны, среди самой ужасной обстановки, когда турки угрожали тылу его позиціи, а солдаты замерзали, стоя на часахъ, находилъ въ себѣ достаточно военнаго и гражданскаго мужества, чтобы не посылать главнокомандующему иныхъ донесеній, какъ „на Шипкѣ все спокойно“.

Вотъ классическій образецъ, достойный подражанія, который долженъ перейти въ вѣка! И имени этого героя, надѣюсь, называть не нужно: оно не изгладилось еще и не должно изгладиться изъ благодарной памяти моихъ соотечественниковъ.

Вообще, на военное дѣло надо смотрѣть, какъ на дѣло святое, въ которомъ всѣ фокусы, личные интересы, счеты самолюбія, или тщеславія должны быть отброшены въ сторону. Дѣло это жестокое, ужасно жестокое, требующее, поэтому, полной добросовѣстности. И вотъ этой-то добросовѣстностью храбрецъ Церпицкій не отличался. Да, впрочемъ, онъ ли одинъ и много ли людей высшаго командованія, начиная съ главнокомандующаго, руководились не личными побужденіями, не эгоизмомъ, не мелкими интересами самолюбія, тщеславія, желанія показать себя съ казовой стороны, многимъ ли приходило въ голову, что ихъ дрянныя побужденія стоятъ крови, ужасныхъ страданій и рано или поздно получаютъ надлежащую оцѣнку безпристрастной и безстрастной исторіи?

А. Витмеръ.

